

Владимир Саморядов

АКСОЛОТЛЬ
И СТАТУЭТКА
ПРЕВРАЩЕНИЙ

Часть третья

Владимир Саморядов

Аксолотль и статуэтка превращений. Часть третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39488948

ISBN 9785449396952

Аннотация

В конце конце девяностых годов в одной кубанской станице случилось странное. Ожили вдруг герои старинных легенд и сказок, да и сами люди в этих героев превратились. Ведьмы стали на шабаши собираться, колдуны расплодились, вампиры и вурдалаки.

Содержание

Часть третья	5
Глава первая	7
Глава вторая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Аксолотль и статуэтка превращений Часть третья

Владимир Саморядов

© Владимир Саморядов, 2018

ISBN 978-5-4493-9695-2 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-9696-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть третья

Шумело море, играло галькой, ударяясь в берег бойкими волнами. Это было море романтиков, море мечтателей, море первооткрывателей, море вечных скитальцев. Это было море тех наивных жителей Земли, кто вместо того, чтобы стяжать богатство, славу, карьерный успех, грезил о несбыточном. У этого Моря не было конкретного имени, но именно его бархатистые воды воспевали писатели и поэты во все времена. По волнам именно этого моря неслась к берегам Острова Сокровищ «Испаньола» с Джимом Хокинсом на борту. Эти воды бороздила «Арабелла» отважного капитана Блада. А где-то в этих мрачных глубинах таился злобный кракен, готовый утащить на дно корабль с экипажем. В этом море утонула Атлантида, породив череду домыслов и легенд, мечтаний об идеальной стране. И вечный Ихтиандр, знаток глубин, мог бы поведать о красотах этой сказочной страны, лежащей на дне и населенной необычными обитателями. Это море пришло из стихов и романов, сошло с картин Айвазовского, выплеснулось на берег из сказаний, легенд и саг.

Жители станицы Ряжской были людьми сухопутными, к морю относившимися с некоторым предубеждением, только как к месту обязательного летнего отдыха, могучей попойки на берегу, ну, в крайнем случае, как к источнику соленой воды, бочонок которой модно было привезти после от-

дыха. Морские волки в истории станицы как-то не отмечались, морские первооткрыватели – тем более, и только редкие утопленники, принявшие по пьяному делу смерть в черноморских или азовских водах, как-то запечатлелись в людской памяти.

Но вдруг море само пришло в станицу Рязжскую, неожиданно-негаданно, нарушая все принципы бытия, и уже спустя день этот порядок вещей стал привычным. Ну море, ну плещется. Ну наяды и сирены каждый вечер песенки поют. Раньше здесь река была. Раньше жены и любовницы начальников и бандитов на берегу Кубани голые попойки устраивали, а еще раньше, во времена кровавого тоталитаризма, спортсмены реку форсировали ради рекордов и славы несвободной страны; и никого это не удивляло. Теперь никого не удивляли парусные корабли, заходящие в порт, груды товаров, выгружаемых на пирсе. Колдуны и кентавры тоже никого не удивляли – мало ли что в жизни случается. Эпоха вечных перемен и не такой фортель выкинуть может. Плакать, что ли, будем? А если и будем, то недолго, поплачем и улыбнемся.

Глава первая

повествующая о начале и причинах многосложного пути, о прелестях растительной жизни, и стремлениях к пиратскому мастерству...

Женька Горский, едва только разменял восьмой год, стал вдруг проявлять непонятный родным и близким интерес к животным: к тварям ползающим, летающим и плавающим. Ладно бы фильмы про зверей смотрел, ну, максимум, завел бы дома аквариум с гуппиками. (Говорят, некоторые, разводя аквариумных рыбок, неплохие деньги «поднимают».) Но нет же, разводил он живность дикую и абсолютно нерентабельную, к тому же иногда заглядывал этой живности внутрь, пытаясь выяснить, как она изнутри устроена. Препарированные лягушки в банках, чучела мышей и перепелок, коллекции насекомых занимали все стены Женькиной тесной комнаты, а где не было чучел, жили живые представители кубанской фауны: жабы, гусеницы, жуки-плавунцы, сони. Такой же зверинец располагался на заднем дворе. Здесь, кроме полезных в хозяйстве кур, нутрий и кроликов, обитали еноты, фазаны, перепелки, совы. Короче говоря, Женя Горский слыл таким Джеральдом Дарреллом ку-

банского пошиба.

Наличие под боком домашнего зверинца сильно нервировало соседей. Ну не понимали простые сельские жители подобных увлечений. К тому же обитатели зверинца отличались любовью к свободе и периодически убегали из клеток и вольер. Ну ладно, побег кролика соседям в огород понять и принять можно. Кролик – это кролик, дичь привычная: пусть и погрыз немного капусту и спровоцировал небольшое выяснение отношений с требованием компенсации. Но когда к этим же соседям сбежал удав, которого Женя выменял у одного алкаша за бутылку водки, тогда стало не до шуток. Пожалел Женя пресмыкающееся, страдающее от голода и дурного обращения, а оно вон как отплатило. Соседи, увидев удава в платяном шкафу, дружным паникующим скопом покинули свой дом на несколько дней, а хозяйку дома положили в больницу в состоянии нервного срыва, граничащего с бурным помешательством. Потом в течение нескольких лет эти соседи, заслышав малейший шорох или шелест, дружно покидали свой дом, вопя, что подверглись нападению змей.

Других соседей Жени Горского навестили еноты.

Парочку маленьких енотов Женя обнаружил брошенными в ближайшем лесу. Енотов он приютил, обогрел, накормил, вырастил. Но достигнув зрелости, еноты превратились в двух хамоватых зверюг, плюющих с высоты своего роста на все существующие авторитеты. Кроме Жени они ничего ни во что не ставили, постоянно выбирались из волье-

ры, а выбравшись, шли ловить аквариумных рыбок. Выловив рыбок, еноты топили в аквариуме сосиски, сухари и конфеты.

Похожую «мокрую» акцию еноты провернули и у соседей, но там они еще шторы с окон пообрывали, попугайчика задушили, а в ванне утопили видеокассеты с фильмами неприличного содержания.

Третьих соседей, живущих в доме напротив, никто из Жениных питомцев не навещал – их собственных сын-алкаш грабил, но и они катили бочку на Жениных енотов.

Когда «оживленная» братьями Бякиными статуя преобразила станицу Рязскую и ее обитателей, преобразились и обитатели зверинца.

Аксолотль превратился в дракона, совы – в гарпий, еноты – в двух наглых и говорливых демонов. Кроме них у Жени в доме и во дворе теперь жили: полигеры, камелопарды, два карликовых альфина, йейл, мусимон, и даже сфинкс. Сфинкс умел говорить и мучил хозяев и гостей разнообразными вопросами туманного содержания.

Ночь после битвы с громкоголосой бэнши Женя провел беспокойно: спал некрепко, все время просыпался, а когда забывался в дремоте, видел суетливые, пугающие сны. Во сне он все время от кого-то убегал, потом от этого же кого-то прятался, а после ловил, дабы заключить в клетку.

После полуночи пришел сфинкс, запрыгнул на кровать, пристроился в ногах, помурлыкал, а потом спросил:

– Хозяин, кто это: большое черное на одной ноге?

– Одноногий негр, – ответил спросонья Женя.

– А большое черное на двух ногах?

– Два одноногих негра в обнимочку.

– А большое черное на трех ногах?

– Рояль.

– Хозяин, большое черное на четырех ногах? Хозяин, а хозяин? Большое черное на четырех ногах.

– Мурка, отвали. Раньше ты была кошкой и вопросов не задавала, только жрать требовала да в обувь мочилась.

– Хозяин, большое черное на четырех ногах, – потребовала бывшая кошка Мурка мерзким скрипучим голосом.

– Шахтер после получки, – огрызнулся Женя и столкнул сфинкса с кровати. – После трех правильных ответов ты должна утопиться в море.

Мурка в море топиться не пошла, но с кровати слезла.

– Вот так всегда, – проворчал Женя, – вопросов назодает, сон перебьет и уходит довольная. В следующий раз я тебя препарирую.

Это были всего лишь беззлые угрозы. Понимала кошка-сфинкс, что любящий ее хозяин на такие зверства не способен. Одно дело – лягушку заспиртовать или, подключив к ней ток, наблюдать, как она, несчастная, лапками дергает, другое – домашнего любимца на воротник извести.

Утром Женин волшебный зверинец поднял громкий шум. Вопили альфины, йейли, мусимоны. Гарпии забились в ис-

терики и завыли громко призывно и немелодично. Демонны вдруг стали выплясывать чечетку и стучать когтистыми лапками по дну клетки. Вернулась Мурка-сфинкс, взглянула на Женю одухотворенно, сморщилась, спросила:

– Что за беда, хозяин?

– Беда? – испугался Женя.

– Что за беда, хозяин?

Сфинкс мог говорить только вопросами, и добиться внятных объяснений от него было невозможно. Женя выбрался из постели и побежал искать беду.

В соседней комнате беда не наблюдалась. Не было никакой беды и в коридоре. В ванной и туалете тоже не было беды. Но в зале Женя нашел свою маму и старшего брата. Ближайшие родственники стояли посередине комнате в сложных, раскоряченных позах: руки расставлены в стороны, головы запрокинуты, словно их обоих сразил приступ катаlepsии. Но лица! Лица выглядели спокойно и безмятежно. Словно ничего сложного и напряженного было в этих нелепых позах, словно все обычные люди так и должны раскорячиваться в минуты безмятежного отдыха.

– Мама, что с тобой?! – воскликнул Женя.

– Прорастаю, – ответила мама и по-доброму так улыбнулась.

– Укореняюсь, – ответил старший брат.

– В смысле? – спросил Женя, оглядывая брата с ног до головы.

Признаки укоренения он обнаружил в ногах. Босые ступни старшего брата пустили корни, которые, пробив пол, ушли в землю.

На руках матери Женя увидел свежие листочки и растительные побеги.

– Как вам помочь? – спросил Женя.

– Зачем? – удивился старший брат. – Укореняться прикольно. Становись рядом и присоединяйся. Или лучше, вначале крышу и потолок проруби, чтобы нас дождь орошал.

– Мама, Коля, – расстроился Женя. – Может, ну это укоренение? Давайте лучше позавтракаем.

– Ты нас лучше водичкой полей, – ласково попросила мама.

– Эх, Женька, не понимаешь ты всех прелестей растительной жизни, – ударился в рассуждения старший брат. – Не нужно метаться, что-то искать. Желаниями лишними мучиться. Растешь себе, да растешь. По весне расцветает, к осени листочки сбрасываешь, зимой отсыпаетесь. А все, что тебе нужно – это вода, свет и немного земли. Да к тому же таким манером можно тысячу лет прожить. Присоединяйся, Ерженя.

– Я не хочу тысячу лет жить в такой манере. Мне и пятидесяти хватит, но чтобы по-настоящему, по-человечески!

– Глупый ребенок, – умилилась Женина мама. – Что хорошего в человеческой жизни. Суетишься себе, шишки набиваешь, люди тебя обижают, оскорбляют. А растения, их

никто не оскорбляет и лишнего от них ничего не требует.

– А если вас коровы обглодают? – привел аргумент Женя.

– Против коров мы можем вырастить острые колючки или ядовитые волоски как у крапивы, – ответил старший брат.

– А если лесорубы?! – нашелся Женя. – Против лесорубов колючки не помогут.

– Мы можем выделить ядовитые фитонциды и отравить лесорубов. Мы вообще можем все.

– А как приятно размышлять и философствовать в растительном состоянии, – сказала мама. – Представь, ни одному мудрецу, святому или философу такие возможности не снились. Их разные физиологические страдания терзали, и, вместо того, чтобы плодотворно размышлять о сущности бытия, они лечили язву желудка. А у нас не может быть язвы желудка. У нас скоро желудок усохнет. Можно свободно расти и размышлять. Выводы интересные делать.

– Вас короеды заедят! – настаивал Женя.

– Я же говорил, – усмехнулся старший брат. – Против короедов и многих вредителей можно выработать соответствующий яд. А можно с муравьями симбиотический договор заключить. Ты их сладким сиропом кормить будешь, а они тебя от вредителей защищать. Присоединяйся, Ерженя.

– Присоединяйся, – повторила мама.

Женя отказался присоединиться.

– Зря ты, Ерженя, – возмутился старший брат, но возмутился невыразительно, как возмущаются цветковые расте-

ния. – Растительная жизнь – это смысл человеческого бытия. Ты ничего лишнего не желаешь, ничего особенного не требуешь. Ты потребляешь солнечный свет и воду. А взамен размышляешь, оцениваешь вселенную и себя в этой вселенной. Это итог эволюции, ее вершина...

Старший брат периодически предавался философствованию и часто изрекал поток незнакомых слов и сложных словосочетаний.

... – Только из такого глубокомысленного созерцания рождается мудрость. Все мудрецы уходили в пустыни: молились, размышляли, на камнях стояли. А в растительной жизни можно постичь максимальную мудрость.

– И кому ты свою мудрость подаришь?

– Зачем кому-то дарить непонятную ему мудрость. Мудрость существует сама по себе, ей не нужны и не важны потребители.

– Ну да, ну да. Расти себе как растение, листиками шелести, а я человеком хочу остаться.

Женя вышел из дома, сел на ступеньки крыльца и предавался безрадостным размышлениям.

Подошел сфинкс, потерся, предано заглянул в глаза.

– Какая печаль, хозяин? Зачем печаль, хозяин?

С другого боку зашли бывшие еноты. Один из них провел когтистой лапкой по Жениным взъерошенным волосам, покачал головой, поцокал языком.

– Не скули, хозяин, – попросил демон-енот. – С голоду

не подохнешь. Ты нас раньше кормил, теперь мы тебя содержать будем. Всем, что надо, обеспечим.

– А расколдовать их нельзя? – спросил второй енот.

– Зачем расколдовывать? – поинтересовалась сидящая на дереве гарпия-сова. – Они сами такое состояние выбрали. Это мы с вами в новое обличье попали, и нас об этом никто не спрашивал. А эти добровольно.

– Я не знаю, как их расколдовать, – прошептал Женя, не удивляясь, что разговаривает со своими питомцами.

– Я же говорю, – повторила гарпия. – Здесь все добровольно. Они сами захотели стать деревьями.

– А как же я? – всхлипнул Женя.

– А мы на что? – спросил енот. – Мы тебя в одиночестве не оставим. Кормить, холить и лелеять будем.

– Где еду найдете? – спросил Женя.

– Добудем. Еноты мы или не еноты? Нас у тебя целый зверинец. Мы тебя в обиду не дадим.

– Не дадите, – согласился Женя, – но... человеку еще другие люди нужны. Ближайшие родственники... Как наркоманы какие-то! Захотели деревьями стать и прорастают. А я им по боку! На меня им плевать!

Женя вскочил, вбежал в дом, посмотрел на родственников и быстро вернулся назад.

– Укореняются, – сообщил он енотам-демонам. – Колька дополнительные побеги выпустил, мама собирается зацветать. Не могу на такое смотреть.

– Тогда переходи к нам жить, – предложил енот. – Мы тебе в нашей клетке жильё обустроим, лучше прежнего.

Но Женя эти успокоительные слова не слушал и продолжал страдать.

Вот в таком ипохондрическом состоянии его нашли пришедшие в гости Вильям и Илья.

– Ты чего? – удивился Илья, увидев подавленного друга.

– В комнату загляни, увидишь, – печально махнули рукой Женя.

Вильям и Илья поспешили в дом, пробыли там некоторое время, потом вышли, тоже удивленные и подавленные.

– Что делать будешь? – спросил Женю Вильям.

– Не знаю. Но я не хочу быть родственником деревьев.

– Колдовать пробовал?

– Они не хотят. Вбили себе в голову, что нужно укорениться и все. Меня тоже звали, умоляли прямо!

– Не поддался? – полюбопытствовал Илья.

– Как видишь. Листья и корни на мне не растут. Растением я не стал.

– Жаль, возможно, ты упустил редкую возможность.

– Отвали. Будешь зубоскалить, зубов лишишься!

– Хватит, Илья, – оборвал Вильям. – Ты же видишь, Женя-ке плохо.

– Я хочу, чтобы все это закончилось, – всхлипнул Женя. – Я не хочу быть волшебником, не хочу, чтобы ведьмы по небу летали, я хочу, чтобы все вернулось назад.

Илья в сомнении пожал плечами:

– Чтобы все вернуть назад, нужно статую волшебную отключить. А статуя вместе с летающим островом улетела.

– Тогда нужно его найти.

– Как найти? Чтобы найти, нужно за островом за море отправиться.

– И отправимся, – решил Вильям.

– Как и на чем? – удивился Илья.

– На корабле.

– На корабле? У тебя есть корабль?

– Нет, но будет. Сделаем. Корабль можно заколдовать. Создать при помощи волшебства.

– Как в прошлый раз ты шторм колдовал?

– Вильям, преврати его в осла, – попросил Женя. – Он с ослиной головой лучше смотрелся.

– Но-но-но! – возмутился Илья. – Я вас и мечом долбануть могу, заклинания произнести не успеете!

– Размахался мечом, самурай! – криво усмехнулся Вильям. – Никто тебя превращать не будет....

– Пока, – вставил Женя. – А как дальше будет – посмотрим. Вилька не поможет, я на тебя своих альфинов и демонов натравлю.

– Боялся я твоих демонов.

– А стоило бы, ронин-сан, – встрял в разговор один из бывших енотов. – Мы существа мирные, но демоны.

– Видал, как еноты за нашего Женьку пишутся?! – разве-

селился Илья. – Кстати, предводитель демонов и геральдических зверюг, ты завтракал сегодня?

– Нет еще, – печально ответил Женя.

– Я тоже не успел. Эй, еноты, прежде чем с самураями сражаться, вы на стол чего-нибудь сообразите.

– Сообразим, – с готовностью ответили еноты.

– Сделаем, – сказала с дерева гарпия-сова.

Двор Жени Горского, скрывающий маленькую хатку с пристройкой, утопал в зелени. Он и раньше-то утопал, а сейчас, после произведенных волшебной скульптурой изменений, просто в эту зелень погрузился. Деревья изменили свою видовую принадлежность и стали сказочными деревьями-великанами, почти достающими до неба. В их ветвях обитали пугливые дриады, скрывающиеся в листве он нескромного взгляда. Обитали здесь и древесные русалки: поменьше Леночки Шайкиной, менее требовательные к окружающей обстановке, костюмам и нарядам, и молчаливые (вернее даже – немые).

Уже несколько дней вместо маленькой хатки из сырцового кирпича, обложенной кирпичом керамическим, Женя Горский, его мама и старший брат проживали в маленьком, но уютном теремке. Какая-то необычная эклектика была в этом теремке, слияние разных архитектурных стилей. Здесь и русские мотивы наблюдались, и восточные и даже что-то латиноамериканское замечалось. Видимо, дом отражал противоречивость характера его обитателей.

Еноты быстро принесли невысокий садовый столик, накрыли его скатертью, и заставили блюдами с яствами. Яства еноты стащили у соседей, – кто бы в этом сомневался – но стащили искусно, со знанием дела, выбирая самые вкусные и изысканные блюда.

Мальчишки яства вкусили, оценили по достоинству вкусовой букет, подбор пряностей, мастерство поваров, и на способ добычи не попеняли. Бывают в жизни ситуации, когда совесть требует жертв.

– М-да, хорошо, – заключил Илья, облизывая пальцы.

Парочка демонов зарделась от комплимента.

– Питание хорошее, – продолжил Илья. – Я бы каждый день так питался. Это не то, что суси и кусамоти каждый день есть. Надоела мне эта японская жратва. Только, Женька, боюсь, прознают твои соседи, кто у них еду тырит, могут и морду нарыхтовать.

– Пусть только попробуют, – прорычали еноты.

– А если попробуют? Нет, на помощь мы придем, штурм отобьем, Вильям врагов заколдует, в каких-нибудь мокриц превратит. А дальше? Каждый день штурмы и осады отражать?

Еноты обижено набычились. Прибежал дракон Бобик, запыхтел, выпустил из ноздрей струю черной копоти. Из-за дома показала оскаленную пасть мантикора.

– Набежали защитнички, – проворчал Илья. – Эй, зверюги, никто вашего хозяина не обижает. Просто я предупре-

жду, чтобы соседей не сильно нервировали.

– Будем тырить не у соседей, – решили еноты.

– Тоже вариант, – согласился Илья. – Эх, Женька, твой дом превращается в воровскую малину, а ты становишься главарем шайки волшебников.

– А твои завтракать не будут? – участливо спросил Вильям. Имея в виду брата и маму Жени Горского.

– Они только водой и светом теперь питаются, – ответил Женя.

– Не сытно, – заключил Илья. – С такой диетой можно копыта откинуть.

– У них теперь ветки и корни.

– Да, попал ты, парень, в передрагу.

– Пацаны, помогите маму и Колю заново в людей превратить? – попросил Женя.

– Решено, – объявил Вильям. – Сейчас поедим и идем строить корабль.

– Строить? – переспросил Илья.

– Колдовать. Магию используем. Знаешь, сдается мне, что в этом новом мире нам все по силам, как джиннам: и город разрушить, и дворец построить. И корабль мы сможем создать. Ведь это наш мир. Мы здесь все можем.

– Все?

– Почти все. Ты разве не чувствуешь, как нам уютно в новом мире. Он создан для нас, или, может быть, мы его сами создали.

– Его статуя из музея создала.

– Она не разумная, это всего лишь древний механизм, воплощатель, материализатор... Или ты считаешь, что Бякины могли так нашу станицу переключить? Здесь многие постарались. Здесь фантазии сотен людей в реальность воплотились. Так-то!

– И ты один с своей бурной фантазией хочешь против фантазий сотен людей? – удивился Илья.

– Что нам какие-то сотни.

– А то, – согласился Илья, вставая из-за стола. – Мне нужно домой сходить, посмотреть: не начали и мои укореняться? Да и тебе, Вилька, на маму и своих слуг взглянуть не мешало. Вдруг, мода на укоренение и проращение заразной окажется.

В полдень три юных друга вновь собрались вместе, чтобы, используя магическую силу, создать корабль для дальних путешествий. Мальчишки вышли на берег моря, рядом с причалом, под которым, став русалкой, так любила прятаться Леночка Шайкина. Илья принес с собой свиток с чертежами старинных кораблей, Женя – подборку старинных гравюр на морскую тематику, а Вильям ограничился деревянным макетом корабля, некогда украшавшим телевизор, но зато взял книгу заклинаний.

– И, какой парусник, други мои, вы предпочитаете? – спросил Илья, с интересом и тщанием изучая чертежи. –

Можно каравеллу сделать (показал чертеж каравеллы), можно клипер или барк. Катамаран, в конце концов, – штука эта устойчивая, любой шторм выдержит.

– Катамараны, каравеллы, баркентины – банальность какая-то, – хитро усмехнулся Вильям.

– А что, по-твоему, не банальность? – обиделся Женя.

– Что-то необыкновенное, что-то новое, сказочное. Ведь мы теперь живем в мире сказок, почему же корабль не может быть наделенным новыми свойствами. Вот скажите, кто-нибудь из вас может ставить паруса, поднимать якоря, лавировать против ветра? Правильно, никто. И чтобы освоить эту премудрость, у нас нет времени.

– Ну другим это как-то удалось. Курову, например, с Дубинкиным. – возразил Илья. – Или тот же Тузик. Что, выходит, Тузик умнее нас с вами?

– Не умнее. Но у него свое предназначение. Они готовые моряки для готовых кораблей. Наш корабль еще не создан...

– Мы его должны создать сами, – закончил Женя.

– Именно. И это должен быть особенный корабль. Чтобы он мог самостоятельно поднимать паруса, находить курс, причаливать к берегу.

– И как ты себе это представляешь? – скептически спросил Илья.

– Это будет живой корабль, корабль киборг...

– Который может взбеситься, взбунтоваться, а то и сожрать свой экипаж..., – закончил Илья.

– Не может. Вот скажи мне, твой кобель Спиноза когда-нибудь порывался тебя сожрать или хотя бы укусить.

– Нет.

– Тогда почему корабль должен нас жрать. Это будет просто большое домашнее животное, но плавающее.

– Домашнее животное? Хм.

– М-да, – пробормотал Женя.

– Этот корабль будет нас с вами любить, холить, лелеять, заботиться, – продолжал Вильям. – Будет выполнять наши команды. И только наши. И никто, никакой угонщик его не сможет угнать.

– И шороху на врагов наводить будет, – подсказал Илья.

– Еще какого.

– Меня такой вариант устраивает, – решил Илья.

– Меня тоже, – поддержал его Женя.

– С чего начнем? – спросил Илья. – Ты знаешь, как создаются магические корабли?

– Сейчас узнаем, – не совсем уверенно ответил Вильям. – Для начала нужен материал, из которого мы сделаем корабль.

– Дерево? – поинтересовался Женя.

– Дерево.

– Причал подойдет?

– Подойдет.

Оторвавшийся в результате схватки с Виктором Шварцем причал снова прибило к берегу. Прибило к берегу и кучу раз-

ного мусора, среди которого наблюдались обломки кораблей – жертв кораблекрушений, пустые бочки и прочие деревянные детали. Осмотрев эти залежи, Вильям заключил, что материала для постройки корабля хватит.

– Подержи, – Вильям вручил Жене макет корабля.

– Что мне с ним делать? – спросил Женя.

– Держи пока. Это модель моего творения.

– А мне что делать? – спросил Илья. – Прятаться? Помниться, твои прошлые упражнения с магией большим тайфуном закончились.

– После этого время прошло. Я достаточно потренировался, учел прежние ошибки.

– Ну да, ну да, – не поверил Илья и на всякий случай отошел подальше.

А Вильям раскрыл книгу с магическими заклинаниями, и книга вдруг превратилась в клавиатуру компьютера, и зависла в воздухе.

– Во как! – восхитился Илья.

– Именно, – согласился Вильям, – мне с клавиатурой как-то привычней. Я все заклинания в компьютерные формулы перевел. Чтобы не заклинания произносить, а языком программирования программы писать.

– Занятно, – восхитился Илья. – Вместо разных абракадабр – бейсик.

– Нет, – поправил Вильям. – Паскаль.

– Какая разница.

Вильям возложил руки на клавиатуру, и его тонкие пальцы быстро застучали по клавишам.

Щелчки клавиш громким эхом разносились по округе. Яркие цветные огни вспыхнули у ребят над головами, потом сложились в цифры и пиктограммы и стали опускаться вниз. Движение светящихся цифр становилось все быстрее. Цифры превращались в простые геометрические фигуры, которые постепенно сформировали объемный чертеж корабля в натуральную величину. А Вильям продолжал стучать по клавишам.

– Да, – уважительно пробормотал Илья.

– А то, – согласился с ним Женя.

Неведомая сила вдруг подняла деревянный причал, подтащила его к чертежу корабля. Причал рассыпался в пыль. Эта пыль, похожими на чернила потоками, заструилась по светящимся линиям чертежа, уплотняясь, превращаясь в детали корпуса и оснастки. Вслед за причалом поднялся в воздух и полетел к формирующемуся кораблю прочий морской мусор, с которым происходила та же трансформация.

Это был завораживающий процесс. Корабль рос, обрастал плотью, кожей. Эфемерный призрак, объемный чертеж, переплетение светящихся ярким неоном линий, превращались в удивительное изделие. Этот корабль походил на греческую трирему с длинным острым ростром, похожим на клюв меч-рыбы, с подводными крыльями, рыбьим хвостом под кормой. От бортов в стороны отходили поплавки, дающие ко-

раблю устойчивость тримарана. Сами борта были покрыты шестигранными пластинами сиреневого металла, прочного и звенящего. Надстройка корабля поражала изяществом барокко: перламутровыми виньетками и скульптурами амурчиков. Ют вообще представлял собой маленький дворец.

Эта эклектика и особенно амурчики наповал сразили Илью.

– Ты чего это сваял? – спросил он возмущенно. – Это корабль или рыба-кит с дворцом мадам Помпадур на спине?

– А мне нравится? – вступился Женя.

– Не понимаешь ты всю глубину моего замысла, – слегка обиделся Вильям.

– Это не замысел, это бред какой-то. Ну ладно, понимаю, каравелла какая-нибудь получилась, барк «Седов», «Крузенштерн», в конце концов. А это... Даже не знаю, как обозвать... Подводная лодка в степях Украины. А мачты где, куда ты подевал мачты?! Вместо мачт рыбий хвост засобачил!

– Не нравится, сам делай, а не умеешь – лучше молчи, – разозлился Вильям. – Сейчас пошлю все к чертям, и сам будешь корабль мастерить молотком и стамеской!

– И смастерю. Способностями, знаешь, Бог не обидел!

– И сколько лет ты собираешься свой кораблик строить? До совершеннолетия?

– А по мне без разницы, как корабль выглядит, – вставил Женя. – Лишь бы он плавал.

– А он хоть плавает? – поинтересовался Илья, немного

остывая.

– Еще как, – объявил Вильям и пощелкал кнопками клавиатуры, набирая какие-то команды. Корабль, до этого висевший в воздухе, качнулся, двинулся в направлении моря, а потом обрушился вниз всей своей семидесятиметровой тушей, подняв брызги и вызвав большую волну. Морская вода окатила мальчишек с ног до головы.

– Ну ты, полегче! – заорал Илья. – Так нас в море смое!

– Заслужил, – мстительно проговорил Вильям. – Я нарекаю наш корабль «Властелином морей».

– Скромности ни на грош, – проворчал Илья, потом посмотрел на Женю, все еще сжимающего макет корабля. – Брось это. Ты же видишь результат, нефига на исходник не похож. На макете корабль как корабль, а в итоге, крокозямба какая-то получилась, с голыми амурчиками в виде украшений.

– Ты закончил? – поинтересовался Вильям.

– Закончил.

– Тогда пошли на корабль.

Вильям набрал на клавиатуре какую-то команду, и с борта на берег опустился трап, а клавиатура вдруг превратилась обратно в книгу заклинаний и упала в руки Вильяма.

Ребята поднялись на корабль, осмотрелись, подергали элементы такелажа. Для управления кораблем имелось традиционное для всех кораблей штурвальное колесо, но рядом со штурвалом находилось еще какое-то устройство: непонят-

ного назначения тумба с торчащими в разные стороны рычагами. И морской компас был не совсем компасом, а сложным навигационным прибором, указывающим местоположение корабля в пространстве, координаты, скорость и глубину под килем, встроенный барометр мог даже предупредить о надвигающейся опасности.

Вдоль бортов на необычных лафетах покоились морские пушки, числом в две дюжины; но в отличие от старых корабельных, эти орудия были самозарядными и могли стрелять короткими очередями.

Наличие такого арсенала успокоило Илью. Он уже не ворчал, не гундел, не искал в конструкции корабля недостатки, не возмущался художественной отделкой и сибаритской роскошью кают и салонов.

– А теперь, пацаны, держитесь за что-нибудь, – предупредил Вильям и встал за штурвал.

С помощью одного из рычагов он привел корабль в движение, с помощью другого задал ему скорость, а потом крутанул штурвал влево; и корабль «Властелин морей», это полуживое чудовище, тронулся с места, развернулся в открытое море и, подскакивая на волнах, рванул прочь от берега.

Это был почти полет, скачка норовистой лошади сквозь холмы и буераки. Корабль бросало от борта к борту. Заостренный нос то нырял вертикально вниз, то вздымался на небывалую высоту. Скрипел корпус корабля, звенела медным мелодичным звоном большая рында. Плохо закреплен-

ная бочка с грохотом каталась по палубе, а вскоре, ударившись об фальшборт, разлетелась на составные части. Потoki соленой воды обрушивались на палубу, и вскоре весь экипаж промок с головы до ног. Морской ветер гудел в ушах, врывался в легкие, сбивая дыхание.

– Ну, ты, – прокричал Илья, – Васко да Гама, полегче!

– Терпи казак, капитаном будешь, – отвечивал Вильям, вращая штурвал и щелкая рычагами.

Описав в океане круг диаметром в несколько морских миль, Вильям привел корабль к берегу.

– Ну как? – спросил он горделиво.

– Впечатляет, – потухшим голосом проскрипел Илья, а Женя ничего не сказал, он перекинулся передней частью тела через планшир и отдал морю недавно съеденный завтрак.

– Простите, – сказал Женя, виновато улыбаясь.

– Я догадываюсь, какие страдания нам предстоят, – решил Илья.

– Хватит зудеть, – попросил Вильям. – С помощью волшебства я могу сделать тебя устойчивым к морской болезни.

– Да уж сделай такую милость.

– Завтра утром, когда в плаванье отправимся.

– Знаете, что меня тревожит? – проговорил Женя. – Ну ладно, у меня мама деревом стало, теперь я могу делать, что хочу. А вы? Вас предки отпускают?

– Отпускают, – уверенно ответил Илья. – Это я раньше был

скромным школьником. Теперь я самурай.

– А я рыцарь, – вставил Вильям. – Отпустят.

Пришел вечер, мягкий, бархатный, неестественно уютный и спокойный. Мальчишки стояли на берегу залива и смотрели на заходящее солнце. Огромный огненный шар, гораздо больше и краснее солнца прежнего мира, осторожно опускался в морские воды, медленно, величественно, но неотвратимо. Вокруг заходящего солнца полыхало красное зарево, колыхались гигантские протуберанцы, а в ту секунду, когда край солнечного диска поглотили морские волны, протуберанцы вдруг сделались зелеными, и похожий на вспышку гиперблоида зеленый луч выстрелил в зенит.

– Офигеть! – восторженно констатировал Илья. – Такого фейерверка я еще никогда не видел.

– Я тоже, – прошептал Вильям. – И сомневаюсь, что кто-либо его раньше видел. Я слышал про зеленый луч, но это был не просто зеленый луч, это какой-то зеленый взрыв был. Все, меня охватило вдохновение! Я готов плыть прямо сейчас! Не могу ждать.

– А придется. Вечер на дворе, в темноте трогаться в путь не стоит.

– Не стоит.

После захода солнца как-то быстро стемнело. На небе вспыхнули россыпи звезд, созвездия и галактики, кометы и газовые туманности. Все это астрономическое великоле-

пие заиграло разноцветными огнями, подобно грудам бриллиантов. Затеняя созвездия, с громким шуршанием и карканьем, в одном, неизвестном посторонним направлении, потянулись стаи ведьм. Где-то намечался развеселый шабаш, и дородные дамы, сидя верхом на метлах, торопились на это культурно-массовое мероприятие.

Из-за угла вышел печальный призрак бандита Жглота, подошел к мальчишкам, опустил плечи и понурил голову.

– Вы Сашу Бякина не видели? – спросил он ребят тоскливым голосом.

– Не видели, – ответил Илья, совсем не пугаясь. Это еще пару дней назад вид призрака вверг бы Вильяма и Илью в панику или ступор, в зависимости от темперамента. А сейчас... Подумаешь, дело привычное.

– А зачем вам Бякин? – вежливо спросил Вильям.

– Да, понимаешь, хотел я его в мафию взять. Аль Капоне и Солоник согласны.

– Да нет, не видели. Вы его в порту поищите, может, он там промышляет.

– Поищу, – пообещал Жглот, и пошел в порт, весь такой печальный-распечальный, унылый и страдающий.

Ушел Жглот, ему на смену из сумрака выдвинулся в вампирском обликии Дракула, тоже печальный и страдающий. Тоже Сашу Бякина спрашивал.

– А вам он зачем? – спросил Илья уже осторожнее, кладя руку на рукоять меча.

– Да вот, наследника у меня нет, – посетовал Дракула. – Хотел я Сашу Бякина своим наследником сделать, маленьким дракуленьшешем.

– Не видели мы Сашу Бякина, – насуплено ответил Вильям.

– А может, вы хотите дракуленьшами стать. Дело это прибыльное.

– Нет, не хотим, – поспешно ответили ребята.

– Ну как хотите, – смиренно кивнул головой Дракула. – Это я просто так предложил. Не того вы, ребята, склада. Вам простор подавай, свежий ветер, кипение страстей. Вы – романтики. Но если передумаете, я всегда к вашим услугам.

– Спасибо за предложение, – уже смелее поблагодарил вампира Вильям, а вампир оттолкнулся ногами от земли, взмыл в небо, пристроился к стае ведьм и полетел вместе с ними на шабаш.

А еще через пару минут из-за угла выбежала растрепанная Альбина и тоже справилась о Саше Бякине.

– Что за вечер сегодня, – удивился Илья. – Всем Сашу Бякина подавай.

– Чего? – непонимающе спросила Альбина.

– Не видели мы Сашку. С самого утра. Как ушел он за чесноком...

– Значит, на летающем острове его не было, – задумчиво произнесла Альбина.

– А вы про остров уже знаете? – спросил Вильям.

– Успели просветить, – ответила Альбина. – Уже все знаю: и про остров, и про Витьку Шварца, и про статую уворованную. Все знаю. Шайкина дома?

– Не видели, но, кажется, дома.

– Пойду к ней.

Альбина Степановна отошла от ребят и стала ломиться в ворота шайкинской крепости, производя невероятный шум.

– Шайкина, выходи, дело есть! – орала Альбина, молотя кулаками по воротам.

Заскрежетал засов, открылась калитка, на улицу выглянула Прасковья Опанасовна и впустила Альбину во двор.

– Интересные события намечаются, – решил Илья.

– Думаешь?

– Думаю..., предполагаю. На Альбину посмотри, у нее вид, как у бойцовой собаки перед схваткой... Пошли по домам, что ли?

– Пошли, – согласился Женя, сам подумал, что домой, к пустившим ветви и корни родственникам, ему идти не хочется.

– Давайте провизию, воду и снаряжение на корабль погрузим, чтобы утром не бегать.

– Как-то не так мы экспедицию организуем. В прежние времена мореплаватели год к плаванию готовились. А мы: трах-бах – готово!

– То было в прежние времена. Тогда волшебства и колдов-

ства не было, – возразил Вильям. – Я своим слугам прикажу корабль снарядить. Андреевым. Пусть уж лучше корабль загружают, чем песни колыбельные распевать.

– А я своего Спинозу позову, – сказал Илья.

– А я енотов, – решил Женя....

– Шайкина, – сказала Альбина Степановна прямо с порога, – пошли моих детей искать.

– Не пойду, – прогудела Шайкина, бросая любящий взгляд на Леночку. Анна Павлиновна чувствовала себя нехорошо. В ее травмированной голове раздавался гул, словно в глубине черепной коробки работал трансформатор. Изображение перед глазами двоилось, а иногда и троилось, так что периодически она видела не одну русалку, а целых три.

– Тогда статую волшебную. Ты что, хочешь, чтобы твоя Ленка на всю жизнь с хвостом вместо ног осталась? – спросила Альбина и тоже посмотрела на Леночку, сидевшую на краю дивана и свесившую с дивана рыбий хвост. – Ты же знаешь: это из-за этой статуи Ленка в русалку превратилась.

– Знаю.

– Ну, так давай найдем ее, Ленку твою расколдуем.

– Как найдем? Как расколдуем? – вяло спросила Анна Павлиновна и бессильно повела толстой рукой. – Не найдем. Твой остров далеко улетел.

– Найдем. Кто ищет – тот всегда найдет. Забыла такую поговорку?

– Мама, надо ехать, – потребовала Леночка. – Я не хочу всю жизнь русалкой быть. Я манекенщицей стать хочу....

– Да, а кому такая манекенщица нужна? – перебила Ленку Альбина. – Будешь ее до скончания веков на себе носить: на руках, на спине, на шее. И мужа у нее не будет.

– Не будет? – переспросила Леночка.

– Не будет, – жестоко сказала Альбина.

– Ма-а-а! – заплакала Леночка. – Я мужа хочу, богатого!

Пошли. Поплыли.

Леночка забилась в истерике, повалилась с дивана на мягкий ковер, стала дергать руками, биться затылком, бить по полу рыбьим хвостом. Все видели, как протекают истерики у капризных детей, но истерики у капризных русалок – это явление ужасное, потрясающее воображение. Представьте только: мечется по полу полуселедка, полускумбрия, Полуленочка, от шеи до пояса – откормленная тушка, ниже – свежий балык с сиреневой, переливающейся чешуей; глаза закатывает, руки заламывает, звуки издает нечленораздельные.

– Вот, видишь, – выразительно указал на Леночку Альбина Степановна. – Это только первая истерика, а будут еще, много-много. Подумай, Шайкина.

– На чем плыть? – прогудела Шайкина. Она еще не согласилась, но уже колебалась и искала более веские причины, чтобы не поехать.

– На корабле, – ответила Альбина. – Сейчас в порту ко-

раблей тьма-тьмушая. Среди капитанов я нескольких своих прежних любовников видела. Неужели они забыли свою «лапу». Найдем, кто нас за море доставит.

– А как искать будем?

– Язык до Киева доведет. Будем расспрашивать встречаемых. Думаешь, много летающих островов по небу летает? Кто-нибудь что-нибудь видел.

Шайкина подумала, подумала, посмотрела на Леночку, на хвост ее рыбий и согласилась. Альбина горделиво повела плечами и покинула шайкинскую крепость.

Бодрой, почти армейской походкой, она промаршировала по улице в направлении дома ближайших родственников, где собиралась коротать ночь. По сторонам она не смотрела, морем не любовалась, иначе бы заметила одинокую фигуру старшего сына, поникло сидящего на берегу. Саша Бякин свою маму тоже не заметил.

На берегу волшебного моря сидел печальный ребенок, глотал слезы, всхлипывал. Печального ребенка не интересовали красоты моря, не волновала его яркость и живописность заходящего в море солнца, и песни прекрасных наяд не трогали его опечаленное сердце. Ребенок остался один в этом странном, колдовском мире, без родных, без знакомых, без дома, теплой постели, сытного ужина. Один одише-шенек на весь белый свет. Звали печального ребенка Сашей Бякиным.

Саша покинул дом утром, уйдя вместе с мамой за чесноком для защиты от вампиров. Маму он потерял сразу же. Мама встретила друзей, которые позвали ее к другим друзьям, которые будут отдыхать у своих друзей, а у последних тоже имелись друзья. Приказав сыну идти за чесноком, мама исчезла. Но Саша за чесноком не пошел.

Полдня Саша болтался по улицам преображенной станции, любовался достопримечательностями, искал, что бы украсть. Кое-что украл, пополнив свои запасы ворованных раритетов. И никто его не поймал. Потом Саша пришел домой и обнаружил, что дома нет. Улетел в дальние дали, не оставив ни ответа ни привета. Об этом печальном факте Саше поведала Нюрка, но сердобольности не проявила, домой сироту не пригласила, а прочих соседей Саша не увидел – все они зализывали раны после битвы с Виктором Шварцем.

Выбросив наворованное, Саша убежал искать улетевший дом, потом искал маму, и искал их поочередно всю вторую половину дня, но не нашел никого и ничего. В тяжелой кручине Саша пришел обратно к берегу – может, вернется назад остров, прилетит на его печальный зов, или мама после загула возникнет на горизонте. Саша плакал, звал маму, бабушку, брата Лехошу. Но все тщетно.

– Если вы вернетесь, – говорил Саша Бякин, – я воровать перестану, уроки делать буду, Лехошу не буду бить и помогать стану. Я буду хорошим-прехорошим, только вернитесь.

– Зашибись, – послышался рядом голос, – нам такие люди всегда нужны.

Саша резко обернулся. Позади него стояли Димка Куров и Сергей Дубинкин, смотрели на Сашу внимательно и сочувственно.

– Сачик, пошли с нами, – предложил Дима.

– Куда? – спросил Саша.

– Пиратом станешь. Будешь вместе с нами корабли грабить, сокровища добывать, по морям и океанам плавать. У нас собственный корабль имеется.

В другой бы раз Саша тысячу раз подумал, поразмыслил о последствиях: сколько раз Куров и Дубинкин таскали его за уши, выкручивали руки, да и наличности лишали, когда эта наличность у Саши появлялась. А мучили его как... Так изощренно даже Жюль де Ре свои жертвы не мучил. В другой бы ситуации Саша к Курову на пушечный выстрел не пошел. Но сегодня, находясь в состоянии ипохондрическом, не понимая опасных последствий принятого решения, Саша на предложение согласился.

– Тогда пошли. Мой корабль ждет тебя, Саша Бякин.

Для Саши Бякина пираты были явлением абстрактным, не вызывающим никакого отклика в душе. Бандиты – это понятно, бандиты – это близко, это смысл жизни и надежда на будущее. Начальники и бизнесмены – не совсем бандиты, но все же такая карьера тоже нареканий не вызывает. А вот летчики, космонавты, исследователи загадок истории, астро-

номы и просто мечтатели – лохи несусветные, их мама Альбина дураками считает, соседи презируют, а бабушка как отрицательный образ в пример ставит. Простые работяги, трудящиеся в поте лица ради жалкой копейки, вообще обсуждения не заслуживают. А пираты – это что-то близкое, но непонятное.

Книжек Саша сроду не читал, и никто в его семье не практиковал это пустое времяпровождение, так что о пиратах он был наслышан, но только слегка, и не мог составить внятного представления. Вроде бы почти бандиты, тоже крутые, но не на «мерседесах» ездят, а на кораблях плавают, и стрелять горазды, но пираты давно были, может, десять, а может даже пятнадцать лет назад. Такой срок давности некоторые сомнения вызывает. Саша помялся, подумал, но в пираты пошел, был принят в команду, вооружен абордажной саблей и кремневым пистолетом, посажен на клотик впередсмотрящим. Так для Саши Бякина началась флибустьерская карьера.

Женька одиночество не любил. Особенно после того, как из семьи ушел отец, соблазненный более молодой красоткой. Это событие стало большой семейной трагедией, разделившей жизнь на «до» и «после». «До» – это веселые вечера с игрой в шахматы, нарды, дружные чаепития с анекдотами и прибаутками. «После» – это тишина, малоразговорчивость матери, отчужденность старшего брата. Пропало жела-

ние смотреть телевизор, играть на игровой приставке или читать авантюрные книги. Пропало ощущение безопасности. Пришли тревога и душевное напряжение.

А теперь новые испытания. Теперь не только отец, но и все остальные родственники изменили не только семье, но и своему человеческому предназначению.

Женя ужинал один, он даже в дом заходить не стал, чтобы не видеть родных. Его брат и мама уже пустили побеги, расцвели буйным ароматным цветом и утратили интерес к общению. Конечно, представители волшебной фауны составили ему компанию: демоны-еноты сели с боков, дракон улегся в ногах, гарпия села на дерево над летним столом, а мантикора заперлась прямо на стол; но Женя чувствовал себя одиноким.

Заночевать Женя тоже планировал вне родных стен. Находиться в одном доме с проростками ему казалось настоящим мучением.

– Ты возьмешь нас с собой, хозяин? – спросил один из енотов.

– Нет, – ответил Женя. – Я не могу дом без людей оставить. Кто о маме с Колей заботиться будет? Вдруг сюда какие-нибудь разбойники влезут, или кто-то травоядный, который ветки может обглодать. На вас вся надежда.

Довольные оказанным доверием, еноты переглянулись.

– Но вас, хозяин, тоже без охраны нельзя оставить.

– Я дракона с собой возьму, – пообещал Женя. – Дракон

многих испугает. Будет моим верным телохранителем.

– Дракон не солидно, – заключила сова, ставшая гарпией, но сохранившая данную богами природную мудрость.

– Мне не до солидности, – отмахнулся Женя. – Мне здесь верные помощники нужны. А в походе с друзьями я не пропадаю.

Проглотив ужин, Женя на некоторое время вошел в дом, чтобы взять спальный мешок.

Мама и старший брат уже не были похожи на людей. Вместо рук, ног и головы у них были покрытые листьями и цветами ветки, кожу заменила грубая древесная кора. Горячая кровь превратилась в прозрачный растительный сок.

– Что вы нашли в этой растительной жизни? – задал Женя вопрос безмолвным деревьям. – Что в ней хорошего? Мудрость и возможность размышлять? Да кому ваши размышления нужны, если вы ими поделиться не можете. Да и ничего вы не можете – только ветками скрипеть да листьями шуршать. Тоже мне, смысл жизни отыскали.

Но родственники ничего не ответили на эту тираду, даже ветвями не покачали. Засунув под мышку спальный мешок, Женя вышел из дома.

Глава вторая о странствиях дальних и островах обитаемых

В среду, едва рассеялся рассветный сумрак, и дворцы станицы Ряжской осветил розовый утренний свет, ребята отправились в морской поход. «Властелин Морей» летел по волнам, легко и резво, оставляя за собой пенный кильватерный след.

Экстерьер корабля сильно нервировал Илью – вдруг раздумает корабль плыть в дальние дали или, чего хуже, обидится на команду за нетактичное поведение и насилие над организмом и утопит.

– Ничего не утопит, – возражал Вильям. – Он у нас послушный. Я его верность с дракона Бобика скопировал.

– А что Бобик лучше? – удивлялся Илья. – Тоже чудовище непонятное, с непонятными замашками и любовью к сырому мясу. Сожрет, когда проголодается.

К дракону Бобик у Илья питал вполне объяснимые опасения. Этот монстр сидел на носу корабля, вытянув шею, как своеобразное украшение, но в отличие от простых корабельных скульптур, его голова находилась в постоянном движении. Дракону все было интересно, любой предмет или событие вызывало любопытство. Он даже язык от восторга изо

рта вываливал и все время выпускал клубы дыма. Попадет-ся им на пути дельфин или наяда какая-нибудь, дракон радостно загукает, задымит, как отпетый курильщик, задергает хвостом. Беда только, что после этой встречи перепуганные дельфины всплывали кверху брюхом. Наяды не всплывали – они шли камнем на дно. Подсчетом утонувших наяд и всплывших дельфинов никто не занимался.

На полубаке необычного корабля, широко расставив ноги, стоял Вильям и оглядывал окрестности сквозь подзорную трубу. Попутный ветер ерошил его золотистые волосы, играл белым кружевным воротником, теребил полы камзола. Морские брызги падали ему на лицо, солонили губы, увлажняли одежду.

Илья был рулевым и управлял кораблем, сверяя местоположение с картой и компасом. А Женя пристроился на носу рядом с драконом Бобиком.

По случаю путешествия ребята переоделись в более подходящие одежды, свойственные эпохи морских путешествий и открытий. Согласитесь, в одежде самурая можно только биться во славу какого-нибудь сёгуна, в наряде маленького Мука добывать волшебную лампу, а в одежде, в какой щеголял Вильям, сражаться на турнирах за дам сердца. А здесь все чин по чину: черные камзолы, расшитые золотом шелковые жилеты, рубахи с пышными рукавами, широкие штаны, ботфорты, пистолеты, заткнутые за пояса, абордажные сабли в ножнах на поясе. Илья ворчал, сообщая, что насто-

ящие моряки такой расписной хлам не рядились, их одежда была грубой и неопрятной. На что Женя парировал: настоящие моряки и мылись от случая к случаю, и запахом, от них исходившим, можно было морских чертей глушить. Вильям в споре не участвовал, он любовался беспокойным морем, наблюдал за альбатросами, за прочей летающей и плавающей живностью.

– Ты знаешь, куда плывем? – Илья решил сменить тему.

– Знаю, – ответил Вильям.

– Откуда?

– Магия. Вот, смотри, – Вильям опустил подзорную трубу и взмахнул рукой. В небе сразу появился дымный шлейф, похожий на инверсионный след реактивного самолета, только розового цвета. Потянуло отвратительным запахом, похожим на удушающую вонь карбида.

– Каждый волшебник, тем более такой непутевый, как Шварц, оставляет за собой след. Я просто сделал этот след видимым.

– А чего он так воняет? – спросил Илья, скривившись.

– Так ведь Шварца след. Такой уж он ароматный

– Понятно, – едко заключил Илья и крутанул колесо штурвала, подправляя курс.

– Вижу корабль, – тревожно сообщил Женя.

– Где? – спросил Вильям.

– Справа по борту.

Вильям поднес к лицу подзорную трубу и повернулся на-

право.

Они догоняли некий шедевр деревянного кораблестроения. Даже издалека вид этого шедевра был грозен и неприступен. Вдоль борта тянулись три ряда пушечных портов. Четыре мачты. Черные прямые паруса теребил ветер. Корма разукрашена причудливыми виньетками.

Не вершине грот-мачты, в клотике полувисел Саша Бякин. Саша имел вид нездоровый, а выпученные от тоски и ужаса глаза были видны даже на таком расстоянии. Саше Бякину было безумно плохо. Так плохо Саше Бякину не было никогда: и во время большой маминой порки, и когда Куров с Дубинкиным ему уши до размеров слоновьих оттягивали, и когда менты его ловили и в обезьянник закрывали до маминого появления. Саше Бякину было хуже всех. Он даже про свой страх высоты забыл, хоть и находился аккуратно между небом и морской пучиной.

Некоторое время корабли шли параллельными курсами.

Вильям внимательно оглядел корму корабля, изучил его такелаж, борт, закрытые люки пушечных портов. На каждом люке был нарисован череп. Посмотрел он на Сашу Бякина, посочувствовал. Потом Вильям взглянул на капитана. Капитан стоял на полуюте и тоже пялился в подозрную трубу.

– Пираты? – мрачно спросил Илья.

– Ага, Димка Куров со своими придурками, – ответил Вильям. – Они даже Сашку Бякина взяли. Вон на мачте висит.

– А чо висит, а не сидит?

– Плохо ему. Тошнит.

– Курова не тошнит?

– Подташнивает.

– На нас нападать не собирается? – заволновался Женя.

– Не знаю. Стоит в трубу на нас смотрит.

Куров напасть собирался. В его голове уже возникали планы кровавой мести, жестокой расплаты за все унижения и оскорбления. Ведь кем были, по мнению Димки Курова, трое верных друзей – уродами, достойными самого жестокого наказания. Все время они ему, Диме Курову, обиды наносят, и обидам этим несть числа. Вот он, умнейший, красивый, велеречивый, идет в школу, посмотрится предварительно в зеркало, вздыбит буйные русые кудри, чтобы смотрелись неотразимей, и входит в класс, готовый всех потрясти. Но не потрясает. А весь класс трясется от смеха, когда остроумный Вильям или Илья выдаст во всеуслышание язвительный комментарий по поводу его прически и той части тела, на которой прическа держится. А прибегнуть к физической расправе не получится – физические расправы над недоброжелателями Илье удаются лучше.

Димка внимательно разглядывал корабль: пушек не видно, катапульт нет, три человека на борту, угрозы никакой... Или есть? А это что за чудище на носу сидит?

Куров очень долго разглядывал дракона. Дракон также долго и внимательно разглядывал Курова и почему-то облизывался. Такое сосредоточенное облизывание Курову край-

не не нравилось. Сидит мордастая тварь, мусолит длинным языком свой нос, а взгляд такой алчный, многозначительный...

– Смотрит? – настороженно спросил Женя.

– Смотрит, – ответил Вильям. – Я тоже смотрю.

– Что делать будем, ребя? Их много, а нас всего трое.

– Четверо. Не забывай своего дракона. А он у нас еще десятерых стоит.

– Не волнуйся, – успокоил Женю Илья. – Мы позавчера Витю Шварца разгромили. А ты какой-то кучки пиратов испугался. Это же Куров, Бабуин Бабуинович. С нашим оснащением и вооружением с нашим драконом и нашей непередаваемой храбростью мы от этого кораблика даже щепок не оставим.

– Хорошо если так...

Куров тем временем отдал какую-то команду. На корабле поднялась суета, юные пираты, как обезьяны, полезли по вантам на вершины мачт. Трое друзей ожидали, что вот-вот распахнутся крышки пушечных портов и черные жерла высунутся наружу, угрожая их волшебному кораблю. Но пушки не высунулись. Корабль пиратов круто завалился на полветра вправо и отвалил в сторону. Вскоре его черные паруса скрылись в мареве.

– Это они твоего дракона испугались, – пояснил Вильям.

– Вот и славненько, – облегченно заулыбался Женя. –

А если бы не испугались.

– Если бы не испугались, я на них такое бы заклятие наложил, врагу не пожелаешь. Нашел я пару-тройку трансформаций...

– Превращений, – поправил Илья.

– Ну да, превращений.

– В кого же ты их собирался превратить?

– Не в кого, а во что. Но тебе лучше не знать.

– Догадываюсь.

Очертания острова как-то неожиданно вынырнули из-за горизонта: три высокие, покрытые лесом горы, обрамленные воротником из пушистых облаков. С правой стороны край одной из гор был срезан каким-то древним катаклизмом и обрывался в море стеной белого камня. Что-то знакомое было в этом острове, что-то ранее виденное: в кино, во сне, наяву, в прежней жизни. Трое юных друзей нахмурили лбы, пытаясь понять, вспомнить, откуда они знают этот остров, почему очертания трех скал их так волнуют.

«Властелин морей», взбивая за кормой воду, приблизился к земле. Потом, управляемый Илей, корабль повернулся к острову бортом и пошел вдоль берега

Морские острова, вообще-то, штука загадочная и опасная, так что высаживаться на их берега нужно с превеликой осторожностью. Ведь там и пираты могут обитать, и контрабандисты свои тайники оборудовать с вооруженной охраной, готовой истребить неожиданных свидетелей. И черно-

кожих ребят-каннибалов там можно повстречать, для которых кусок мяса белого человека восхитительней устриц и черной икры. Съедят без лука и перца, отправив обглоданные кости в коллекцию охотничьих трофеев, а потом усядутся на бережку, станут зубочистками в зубах ковыряться и тонкий вкусовой букет своих жертв обсуждать. А если там одноглазые циклопы встречаются? Живут себе в пещерах, овец пасут, оды и басни сочиняют на своем циклопьем языке, поджидая очередного Одиссея в надежде поквитаться. Прежде, в стародавние гомеровские времена, Одиссей с циклопом разобрался, но кто поручится, что наученные прежним опытом циклопы в следующий раз позволят себе палкой в глаз тюкнуть. Короче говоря, опасаясь подвоха, осторожные мальчишки решили обогнуть остров, прежде чем высаживаться на берег.

Берега острова представляли собой протяженный пляж ослепительного белого песка, а дальше, за пляжем, громоздились густые джунгли, скрывавшие обзор. Возможно, за деревьями прятались деревни людоедов, а возможно там были благоустроенные отели, ждущие охочих до экзотики туристов.

– Я узнаю этот остров! – вдруг воскликнул Вильям.

– Это что, Борнео или остров Мас-а-Тьерра, где Робинзон Крузо обитал? – спросил Илья.

– Нет. Ни за что не догадаетесь. Вы на очертание этих трех гор посмотрите. Ну, внимательнее, внимательнее.

– И что? – непонимающе спросил Женя. – Ну, горы, высокие горы.

– А ты их мысленно уменьши, раз в сто...

– Ну уменьшил, и что?

– Это же Трехголовый курган. Помните, мы еще с вами на нем играли, представляя, будто это необитаемый остров.

– Похож, – не совсем уверенно пробурчал Илья. – Точно также один склон срезан, это когда какие-то придурки там клад искали.

– Ну вот, смотри, все сходится.

– Ты хочешь сказать, что мы плыли целый день и всего с километр проплыли?

– Это в субботу был километр и посуху, – возразил Вильям, – а теперь, по морю сотня миль. Если бякинский двор превратился в летающий остров, то почему Трехголовому кургану не стать островом обыкновенным.

– А кто жил на Трехголовом кургане? – осторожно поинтересовался Женя.

– Муравьи, ящерицы и пара сусликов, – ответил Илья.

– Ну, если аксолотль стал драконом..., – начал развивать тему Женя.

– То в кого превратились суслики? – закончил Илья.

– Ага.

И все посмотрели на дракона. А дракон Бобик, оправдывая свое собачье прозвище, был по-собачьи беспечен и весел. Как расшалившийся щенок, дракон метался по палубе,

ловил собственный хвост и плевался сгустками черного дыма.

– Да, – Илья зябко поежился. – И если предположить, что суслики росли вместе с курганом пропорционально...

– Офигеть! – решил Женя.

– А то, – согласился Вильям.

– Может, не поплывем дальше? – спросил Илья. – Чего мы на этом острове не видели?

– А если бякинский двор в эти джунгли сел? – возразил Вильям. – Лежит себе за деревьями, а Лехоша отбивается от гигантских сусликов и верещит.

– Что-то не слышно Лехошу, – сообщил Женя, прислушиваясь.

И действительно, до слуха юных мореплавателей долетали только веселый птичий гам, шум ветра, шорох накатывающегося на берег прибоя. Звуки были самыми умиротворяющими. И запахи ветер приносил: восхитительные ароматы пряностей, сказочных цветов, тропических фруктов.

– Плыдем дальше, – решил Илья. – А если суслики появятся, в море повернем.

А потом берег вдруг ушел вглубь острова, образуя обширную бухту. На берегу бухты под высоченной белой скалой расположился уютный городок. Паруса десятка кораблей украшали бухту, похожие на лепестки цветов. Еще больше кораблей стояло в порту, готовых к отплытию.

– Город! – удивленно и радостно пискнул Женя. – И ни-

каких сусликов.

– Подожди радоваться, – проворчал Илья. – Если сусликов не видно, это не значит, что их нет.

– Все равно нужно причалить, – сказал Вильям. – Если здесь есть цивилизация, то, скорее всего, нет каннибалов.

– Ну, так и быть, – согласился Илья и крутанул колесо штурвала, поворачивая корабль к берегу.

Множество рыбацких шаланд сновало по акватории. Странно маленькие, похожие на пигмеев, человечки в пестрых нарядах, суется и подпрыгивая, вытаскивали из воды сети с рыбой. Что-то было необычное в этих рыбаках, но расстояние не позволяло разглядеть их лица, национальность и расовую принадлежность, к тому же появление почти живого корабля вызвало в рыбацкой среде настоящую панику. Рыбаки спешно снимались с якорей, поднимали паруса и спешили убрать свои суденышки в дальние концы бухты.

– Чего это они? – удивился Женя. – Мы ничего плохого не сделали.

– Мы корабль плохой сделали, – пояснил Илья. – Чудовище в корабельном обличии. Предупреждал же я тебя: не нужно никаких хвостов и мозгов.

– Да ладно вам, – успокоил их Вильям. – Боятся – значит, уважают.

Корабль приближался к пристани. Илья очень волновался – ведь опыта судовождения, а тем более причаливания, у него не было никакого. Но корабль, самостоятельно взяв

управление на себя, подошел к пирсу, развернулся бортом и мягко причалил. Жене только осталось спрыгнуть на причал и самостоятельно привязать швартовочный конец к чугунной тумбе.

По теории вскоре должно было явиться какое-то портовое начальство: таможенники, пограничники, санитарные врачи, чтобы осмотреть судно на предмет заразных болезней, проверить на наличие контрабанды, получить пошлину, портовые сборы, взятку, наконец. Но никто не пришел, никого не интересовал ни корабль, ни его малочисленный экипаж. Дракон Бобик тоже никого особенно не интересовал.

Вдоль причала сновал разнообразный люд, прохаживались разодетые мореходы, грузчики катили тяжелые бочки, носили на спине тюки. Галдели торговцы, расхваливая покупателям разнообразный товар. Чистильщики обуви предлагали свои нехитрые услуги.

Мальчишки спустились по трапу и вдруг разглядели жителей города и сразу же испугались.

– Это не люди! – удивленно прошептал Женя.

Да уж, половина обитателей порта людьми не была. Такого никто не ожидал: ну пигмеи, ну индейцы, ну джинны какие-нибудь, а здесь снуют в толпе разодетые в человеческие одежды лохматые обезьяны, разговаривают на русском языке, спорят, смеются, злословят, и абсурдность ситуации их нисколько не заботит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.